

Комсомольская правда
Т. Москва, 4 мая 1942

З Е М Л И

сына своего учил добру. Что-бы сын вырос и люди ему сказали: «Папа у тебя был хороший».

Когда в конце Гена Тростянецкий сказал: «Прошу почтить минутой молчания память Анатолия Мерзлова», поднялись все.

Спектакль продолжался недолго: всего минут сорок пять.

Потом в зале зажгли свет, зрители сидели и не уходили. Они теперь так же, как ребята из студии, решили для себя первый вопрос. А на второй — сможем ли мы? — словами ответить нельзя.

Вопрос жизни и смерти решает сама жизнь.

ПОГИБШИХ помнить необходимо. Без этой памяти человек одинок и беспомощен, как колодец в мертвой пустыне. Без этой памяти до нас никогда не дошел бы страшный смысл фразы из учебника нашей истории: «20 миллионов человек погибло во Второй мировой войне»...

А те, которые вернулись, потом воспитывали своих детей. То есть нас. И так получилось, что теперь все мы отвечаем за Мерзлова, как он на поле отвечал за нас. За всех...

Мы с Геней шли по вечернему темному городу. Было холодно. И старые деревья, подсвеченные снизу фонарями, стояли, как декорации на сцене.

Дорога шла узкая и черная, как борозда земли. Тогда я подумал, что, наверное, борозда была и будет самой главной границей для людей. Не её встречаться добро и зло, потому что к борозде приходят за хлебом все: хорошие, плохие, всякие. Будни у них разные и праздники. А земля у всех одна.

МЫ ПРИШЛИ. Гена толкнул калитку. Двор за ней был тихий и чистый, похожий на

все дворы в южных городах России.

— Мама! — крикнул он в дом. — Мы страшно хотим есть.

До ночи сидели мы в комнате, где на стене была афиша с красными и синими буквами на тонкой, гремющей, как жест, бумаге. Мне нужно было многое узнать об этом человеке, который в двадцать четыре года научился четко и ясно делить мир пополам — на злых и добрых.

— Гена, иди, деточка, выключи чайник, — больная мама позвала его из кухни; ей трудно было ходить. Она сидела, листала «Юность» и слушала, о чем мы говорим. Наверное, она тихо улыбалась про себя. Ей нравилось слушать, что там доказывает ее уже взрослый сын. Нравился его голос — твердый и звонкий, очень удобный для спора.

— Главное для меня — осознанность каждого шага. Понимаешь, да? Вера в дело, которым занимаешься. Потребность в общении. Необходимость постоянно отдавать себя. Во всем я хочу видеть цель. Понимать ее значимость. Но, к сожалению, я не всегда целенаправленный. Это стремление к осознанности шло во мне рядом с мельчиством. С самыми откровенными.

Когда я писал сценарий о Мерзлове, мне казалось, что я мобилизовал себя всего. Спектаклем я ответил, как отношусь к Мерзлову. Считаю, что все-таки способность совершить такой поступок должна быть у каждого...

В студию очень просто проверяли пшеницу. Доставали из мешка, из самой середины или снизу, горсть зерна. И смотрели на свету. И по одной горсти судили обо всем хлебе. Может, Толя Мерзлов и есть то зерно, которое

Время положило на ладони, чтобы проверить по нему весь урожай?...

...В желтых окнах домов начинался понедельник. Разные люди включали радио, вставляли ноги в тапочки и шли на кухню — ставить чайник. Я смотрел на окна, думая про Гену. Вот он окончил архитектурный, оформился на работу, организовал театр-студию. Потом уволился. Остались у него теперь: театр и дома — больная мать. И все? Нет, не все. Есть еще проблемы. Много проблем: нужно заставить себя признать, что с архитектурой ничего не вышло. Нужно поступить на режиссерский факультет в ГИТИС или во ВГИК... Много всего нужно.

НА АЗРОДРОМ меня провозжали двое из студии: Марина Буримова и Саша Шагал. Самолет опаздывал, но мы не очень по нему скучали. Говорили о том, о сем.

Это был разговор, по которому не стоит судить о людях. Да и вырывался он от смущения. Они, наверное, до сих пор стеснялись вчерашней своей искренности на сцене и поэтому старались казаться взрослыми и деловыми.

Но с этим ничего не получалось. И слава богу. Пусть у них всю жизнь сохранится детский взгляд на какие-то вещи. Ведь чем больше будет на земле стариков с глазами детей, тем меньше будет маленьких детей с глазами стариков. Круговая порука добра.

Потом я вспоминал песню из вчерашнего спектакля:

...Обезнуженные нервы
земли
незнание страдания знают.
Она вынесет все, переждет...
Не записывая землю
в календарь.

Кто сказал, что земля
не поет?
Что она замолчала навеки?

Нет, звенит она, стонет
глуша
Из всех своих ран,
из отдушин.
Ведь земля — это наша
душа,
Сапогами не вытоптать
душу...

Может, нервы земли — все люди? Тогда каждый человек — нерв. И все объясняется в этом.

И — каждый шаг солдата, идущего с винтовкой на вражеский танк. Кто поднял его в атаку? Земля.

И каждый шаг Гагарина по гулкому трапу вверх.

И каждый шаг Мерзлова... Что же тут непонятного?

Материнства не взять у земли.
На отнять, как не вычерпать моря.

Кто поверил, что землю
сможги?

Нет. Она почернела от горя...
— Скоро мы, наверное, поедем на гастроли, — сказала Марина.

— Знаю, — сказал я.

Возможно, гастроли студенческого театра будут проходить и в селе Прудские Выселки Михайловского района Рязанской области. На родине Анатолия Мерзлова.

Летом, когда раннее солнце будет тревожить птиц, к Мерзловым в Прудские Выселки, возможно, приедут на гастроли Гена Тростянецкий, Степан Зограбян, Юра Копелавич, Валерий Журавлев, Саша Шагал, Виктор Степанов, Лариса Моисеенко, Валерий Щетников, Люба и Вера Волошиновы, Марина Буримова, Надя Лукашевич, Владимир Огнатов.

В сельском клубе они положат в проходе между рядами длинные серые полотна с черной землей. Землю эту возьмут на поле, где работал Толя Мерзлов. И где теперь работают тракторы из колонны имени Мерзлова. Не все, конечно, только часть. Остальные его тракторы — в других областях и республиках.

Ведь земля у всех одна.

А. ШУМСКИЙ.
(Наш спец. корр.).
Ростов-на-Дону.